

Нет автора

**Стенографические отчеты Государственная
дума. Четвертый созыв. Сессия первая**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

автора Н.
А22 Стенографические отчеты Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия первая: Том 2 / Нет автора – М.: Lennex Corp,
— Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2025. – 565 с.

ISBN 978-5-8854-2760-9

«Государственная дума. Стенографические отчёты. Четвертый созыв. Сессия первая. Часть 2» Том 2.

Книга написана на дореволюционном русском языке!

Уникальный исторический документ эпохи Российской империи конца XIX — начала XX века. Книга включает стенограммы заседаний Государственной думы четвертого созыва, проходивших в первой половине 1913 года. Она является важным источником для изучения внутренней политики, общественной мысли и повседневности предреволюционного периода России.

Документальная ценность издания заключается в том, что оно фиксирует реальные дебаты депутатов разных партийных группировок, позволяет проследить основные политические дискуссии, выявить настроения и подходы различных слоев российского общества тех времен. Книжное оформление выполнено в традициях русского книгоиздания начала прошлого столетия, что придаёт изданию особый шарм и привлекательность для коллекционеров и исследователей истории парламентаризма и политического устройства Российской империи.

Это издание станет прекрасным дополнением библиотек историков, политических ученых, архивистов и всех интересующихся эпохой Серебряного века русской культуры и становления представительной власти в России.

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Чтобы охарактеризовать отношеніе съѣзда къ институту земскихъ начальниковъ и къ проекту введенія мирового суда, довольно нѣсколькихъ выдержекъ. Такъ, одинъ изъ ораторовъ на восьмомъ съѣздѣ объяснялъ: «Минута, гг., торжественная, торжественная потому, что изъ всего, можно сказать, разрушительнаго законодательства послѣдняго времени настоящій законъ всего глубже затрагиваетъ русскую жизнь. Это самый крупный камень, который законопроектами послѣдняго времени пытаются выворотить изъ-подъ нашихъ государственныхъ устоевъ. Почти всякій законъ въ его вредномъ дѣйствіи можно до известной степени обезвредить путемъ циркуляровъ, сенатскихъ разъясненій (*смыслъ и рукописанія слова и голоса*: браво) и дополнительныхъ краткихъ законодательныхъ новеллъ. Можно до известной степени ввести противоядіе въ отношеніе того или другого законопроекта, но, измѣнивши кореннымъ образомъ основы управленія государствомъ на мѣстахъ по части судебной и административной, т. е. по всѣмъ частямъ мѣстнаго управленія, вы тутъ ничего не сдѣлаете никакими циркулярами, никакими добавленіями, никакими улучшеніями». И этотъ ораторъ заканчиваетъ свою пространную рѣчь, обращаясь къ слушателямъ со слѣдующими словами: «Вы—солъ земли, лучшіе люди государства, призванные приносить ему пользу, такъ спасайте же эту землю». Гг., этихъ выдержекъ, полагаю, совершенно достаточно для того, чтобы убѣдить васъ, въ какой мѣрѣ разнообразны эти функціи совѣта. Я укажу, гг., на то, что и такіе вопросы, которые въ настоящее время чрезвычайно волнуютъ, вопросы о нашемъ высшемъ и среднемъ образованіи, были, собственно говоря, подробно разсмотрѣны и если не предрѣшены, то, во всякомъ случаѣ, предугазаны, и обсужденіе этихъ вопросовъ объясняетъ, почему политика нынѣшняго Министерства Народнаго Просвѣщенія одобряетъ и въ комъ она встрѣчаетъ поддержку. Точно такъ же и вопросъ, который въ настоящее время стоитъ на очереди, вопросъ о печати, и въ нѣкоторой мѣрѣ даже частичныя мѣры, которыя предлагаются теперь противъ печати, были предусмотрены на съѣздахъ объединеннаго дворянства. Съѣзды имѣютъ и свой центральный органъ, имѣютъ постоянный совѣтъ, засѣдающій въ Петербургѣ. Посмотрите какъ очерченъ кругъ этого учрежденія, закономъ не предусмо-

трѣннаго, но фактически дѣйствующаго и имѣющаго свой уставъ, въ которомъ сказано: «съѣздъ входитъ въ сношенія съ правительственными учрежденіями и лицами, поддерживаетъ въ надлежащихъ случаяхъ ходатайства дворянскихъ учрежденій и обращается отъ своего имени къ Высшему правительству въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства». И, какъ указано однимъ изъ ораторовъ, председателю совѣта предоставлено право, принадлежащее только министрамъ. Совѣтъ находится въ тѣснѣйшей связи съ провинціальными дворянскими организаціями, стало быть это такое учрежденіе, которое заслуживаетъ огромнаго вниманія. Послѣ всего сказаннаго мною совершенно неудивительно, что вліяніе этой строго сословной организаціи на приемы нашего управленія и на наше законодательство огромное и во многихъ случаяхъ, какъ я старался вамъ указать, это вліяніе диаметрально противоположно ясно выраженнымъ намѣреніямъ Государственной Думы. Значеніе такой организаціи, официально непризнанной, однако, фактически огромно. Она имѣетъ вліяніе не только на подчиненные органы, но и на все направленіе нашей политики. Примѣры заразительны и нѣкоторую приближающуюся къ этому роль хотѣла бы, можетъ быть, занять другая организація, тоже только возникающая, это съѣзды и совѣты нашихъ промышленниковъ и торговцевъ. (*Голосъ справа*: это уже Коноваловъ). Но могущество описанной мною дворянской организаціи покоится на законѣ 3 іюня, на законѣ, который далъ преобладающее значеніе на выборахъ тому элементу, который участвуетъ въ съѣздахъ объединеннаго дворянства. Слѣдовательно, одного изъ главныхъ условий для того, чтобы достигнуть положенія, равнаго съ дворянскою организаціею, у участниковъ организаціи промышленниковъ не хватаетъ. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно существуетъ стремленіе къ тому, чтобы, не ограничиваясь ролью органа уясненія и защиты интересовъ своего класса, могущаго преслѣдовать свои задачи, сдѣлаться, какъ видно по нѣкоторымъ признакамъ, по послѣднимъ примѣрамъ этой могущественной организаціи, только что мною описанной, вмѣсто органа запяты орудіемъ давленія на высшую власть. Конечно, я не говорю о томъ, что совершенно недопустимо, если лица, близко стоящіе къ такого рода организаціи, занимаютъ самые высшіе посты, напр.,

министровъ торговли. Но недопустимо также, съ точки зрѣнія правильнаго государственнаго управленія, если и мелкіе агенты власти, даже второстепенные представители ея, будутъ вынуждены обращаться къ такого рода,—въ сущности также могущественной,—организациі и волею судебъ играть зависимую роль и получать отъ нея свѣдѣнія и т. д. Это, по моему, тоже весьма нежелательно. Я очень далекъ отъ той мысли, чтобы говорить что-либо противъ появленія въ жизни организацій мною описаннаго типа; нѣтъ, я хорошо знаю, что въ современной жизни, и въ свободныхъ государствахъ на Западѣ, такія организаціи возникаютъ, и онѣ появляются, имѣя свои опредѣленныя задачи, но первое условіе, которое должно быть при этомъ соблюдено, состоитъ въ томъ, чтобы онѣ были доступны не одному, не двумъ классамъ, не классамъ привилегированнымъ, а равно всѣмъ разрядамъ гражданъ, которые должны имѣть равное право защиты своихъ интересовъ. (*Слѣва рукоплесканія и голоса*: правильно). Если возможны въ Германіи союзы сельскихъ хозяевъ-землевладѣльцевъ, то точно такъ же возможны тамъ и союзы крестьянъ, точно такъ же существуютъ тамъ и союзы рабочихъ (*голоса слѣва*: bravo), которые имѣютъ одинаковыя права охраненія и уясненія своихъ интересовъ, право представительства и ходатайства за нихъ передъ высшею властью, точно такъ же существуютъ и сѣзды юристовъ, сѣзды врачей и т. д. При условіи, когда вслѣдъ признанный интересъ получаетъ свою охрану, эти союзы и единенія имѣютъ законное право на существованіе и должны быть поддержаны и отнюдь не запрещаемы. Но если такіе союзы играютъ политическую роль, если тѣмъ болѣе, благодаря избирательному закону, одна изъ группъ населенія получаетъ преимущественное значеніе и исключительное право на организацію союза, если благодаря этому эта группа гражданъ имѣетъ давленіе на законодательныя учрежденія и на власть правительства, тогда это становится въ высокой степени опаснымъ. (*Рукоплесканія слѣва*). Я остановлюсь на этой опасности и говорю, что въ связи съ совершенно невозможнымъ закономъ 3 іюня, который, кажется, и на большинствѣ скамей этого высокаго собранія находилъ свое осужденіе или, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени критическое отношеніе, я и говорю, что въ связи

съ этимъ закономъ политическое значеніе, получаемое организаціями, подобными той первой, на которую я указалъ, совершенно недопустимо; постепенно развиваясь и расширяя свое вліяніе, организація,—я говорю преимущественно о дворянской,—въ связи съ тѣмъ органомъ. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, который тоже былъ мною характеризованъ, является въ высшей степени вредною пастьоркою пасть зданіемъ нашихъ законодательныхъ учреждений. Такая пастьорка, прежде всего, вредна потому, что умоляетъ значеніе законодательныхъ палатъ. Вѣдь совершенно несомнѣнно, гг., что лица, участвующія тамъ и здѣсь, приходятъ съ готовыми рѣшеніями, которыя продиктованы въ этихъ стоящихъ надъ Думою союзахъ; они имѣютъ, такъ сказать, приказы, которые должны выполнить. Я полагаю, что такого рода позиція является совсѣмъ несоотвѣтствующею значенію Государственной Думы. Всякія организація подобнаго рода вліяютъ въ высшей степени вредно и на инициативу самой Государственной Думы, потому что члены, участвующіе въ такихъ организаціяхъ, невольно на первомъ планѣ ставятъ интересы класса, интересы тѣхъ, которые защищаются въ этихъ организаціяхъ. Такъ на одномъ изъ собраній объединеннаго дворянства ораторъ говорилъ, характеризуя современное положеніе дворянства: «мы сохранили свое вліяніе потому, что сохранили свое имущество, и еще потому, что мы стоимъ вѣдъ организацій крестьянскихъ на мѣстахъ». И онъ доказывалъ необходимость этой самостоятельности, этой выдѣленности дворянства и указывалъ на тѣ средства, которыми можно достигнуть такого положенія. Очень естественно, гг., что если мы посмотримъ на рядъ вопросовъ, которые выдвигаются передъ Государственною Думою, то будетъ понятно, почему выдвигаются такіе вопросы, какъ вопросъ объ извѣстномъ направленіи дѣятельности Государственнаго Банка, о реформѣ Крестьянскаго Банка, которому желаютъ придать не то значеніе, которое ему присуще по первоначальному предположенію и уставу, а которое было бы полезно для привилегированныхъ классовъ; понятны также и тѣ проекты, которые относятся къ такому важнѣйшему фактору государственнаго хозяйства, какъ наше земельное государственное имущество, къ которому относятся не всегда съ точки зрѣнія

государственного благополучія, а съ точки зрѣнія классовой, стремятся, напр., допустить высокое развитіе крупной частной предпріимчивости, обращеніе этого земельного фонда на отводъ крупныхъ участковъ. Все это съ исключительной точки зрѣнія частныхъ интересовъ понятно, и не понятно съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ. Я думаю, далѣе, что эти надстройки надъ Государственной Думой точно также имѣютъ вреднѣйшее вліяніе и на положеніе нашего правительства. Правительство точно также находится подъ сильнѣйшимъ прессомъ этихъ учреждений. Въ нашемъ государствѣ нѣтъ парламентаризма, нѣтъ ответственности министерства передъ законодательными учрежденіями, зато у насъ фактически, гг., развивается своеобразный парламентаризмъ, парламентаризмъ наизпакъ—несомнѣнная зависимость нашего правительства отъ описанныхъ мною могущественныхъ организаций. (*Рукоплесканія слева*). Я спрашиваю васъ, гг., могло ли бы какое-нибудь правительство, независимое, держать курсъ твердый и неизмѣнный, если бы онъ былъ противоположенъ стремленіямъ и намѣреніямъ этихъ организаций? Я думаю, что это было бы невозможно. Шатаніе, колебаніе курса неизбежно въ тѣхъ случаяхъ, когда появится во главѣ правительства лицо, не вполне прислушивающееся къ камертону такой могущественной организации, какъ наша дворянская, если оно не удовлетворитъ предписаній, исходящихъ оттуда, положеніе его не можетъ быть прочно; оно, находясь подъ давлениемъ этого учрежденія, будетъ влечить довольно незавидное существованіе. Достаточно было бы указать на такой фактъ. Съѣздъ дворянъ обсуждалъ политику, которой долженъ слѣдовать Крестьянскій Банкъ, и одинъ изъ ораторовъ заявилъ: пожалуйста, разрѣшите этотъ вопросъ поскорѣе, такъ какъ мнѣ извѣстно, что управляющій Государственнымъ Банкомъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ нашего мнѣнія, ибо оно будетъ служить ему опорой въ его борьбѣ за реформы, которыя онъ желаетъ предпринять. (*Рукоплесканія слева*). Можно ли представить себѣ болѣшую зависимость? И я полагаю, гг., что эти надстройки (*шумъ; звонокъ Председательствующаго*)..., что эти надстройки надъ зданіемъ Государственной Думы, особенно въ связи съ избирательнымъ закономъ 3 іюня, если и не угрожаютъ прочности этого зданія, то во всякомъ

случаѣ онѣ вполнѣ и безусловно не соответствуютъ его архитектурѣ. (*Продолжительныя рукоплесканія слева*).

Щечковъ (Курская губ.). Гг. члены Государственной Думы. Не принадлежа къ составу той комиссіи, докладъ которой въ настоящее время передъ вами, съ другой стороны, не считая себя какимъ-нибудь особеннымъ знатокомъ разсматриваемаго предмета, я не коснусь технической, цифровой, такъ сказать, стороны разбираемаго сейчасъ вопроса. Я, гг. (*шумъ слева*)... Прошу меня не перебивать. (*Звонокъ Председательствующаго*). Я, гг., коснусь той стороны дѣла, которая мнѣ, какъ рядовому члену Государственной Думы, болѣе доступна. Я не буду, по примѣру нѣкоего профессора, касаться вопроса о томъ, какъ онъ выразился, «помпезно» или «не помпезно» открыто какое-нибудь учрежденіе, или о томъ, что такое-то сословіе, такое-то собраніе имѣетъ «секундарное», какъ онъ говоритъ, значеніе или нѣтъ: все это, по моему мнѣнію, мало касается нашего бюджета. Я буду болѣе держаться рамокъ того вопроса, который стоитъ на очереди, и освѣщу его нѣсколько съ другой, болѣе простой, болѣе обывательской стороны. Въ рѣчи нашего предсѣдателя бюджетной комиссіи выяснилась точка зрѣнія на настоящій вопросъ, именно, точка зрѣнія коммисіонная; затѣмъ, въ рѣчи г. министра выяснено, какимъ представляется разсматриваемый вопросъ съ точки зрѣнія вѣдомства финансовъ. Теперь я позволю себѣ остановиться на томъ, какъ тотъ же вопросъ можно освѣтить съ точки зрѣнія вообще жизни, и жизни государственной, выяснить, какою государственная роспись въ этомъ свѣтѣ представляется. Въ подробности, говорю я, вникать не буду.

Вѣдь жизнь, гг., существуетъ для бюджета, а не бюджетъ для жизни. Несомнѣнно,—это простая истина; тѣмъ не менѣе, повидимому, какъ наше финансовое вѣдомство, такъ и комиссія держатся нѣсколько иного воззрѣнія на этотъ предметъ. Дѣло въ томъ, что жизнь наша въ размѣрахъ тѣхъ средствъ, какія необходимы ей для удовлетворенія своихъ потребностей, конечно, опредѣляется бюджетными постановленіями, но, съ другой стороны, она только опредѣляется, но никакъ не ими создается; попадетъ ли что въ бюджетъ или не попадетъ, все равно, та жизненная потребность, которая существуетъ вообще въ жизни и, въ частности, въ жизни го-

сударственной, несомѣнно, останется въ силѣ. Такимъ образомъ, мнѣ думается, что жизнь властно диктуетъ свои требованія, а наше дѣло, дѣло бюджетной комиссіи или тѣхъ, кто составляетъ бюджетъ, только въ томъ, чтобы вѣрно записывать эти требованія, и не вина жизни, если эти записыванія оказываются никуда негодными. Если на каждой строкѣ записываемаго получается цѣлый рядъ и грамматическихъ и логическихъ ошибокъ, то въ концѣ концовъ имѣемъ плохой диктантъ; но, что же изъ этого? Этотъ диктантъ нисколько не обязателенъ для того, кто его диктуетъ. Мысль о подчиненіи жизни государственной писанной государственной росписи, по моему мнѣнію, мысль глубоко неправильная, а между тѣмъ, несомѣнно, изъ этой мысли исходитъ предсѣдатель бюджетной комиссіи, когда измѣняя общезвѣстную формулу, гласящую о зависимости бюджета отъ политики. Выѣсто формулы: «мы вамъ дали хорошую политику, а вы дайте намъ теперь хорошіе финансы» онъ, измѣняя ее въ обратномъ направленіи, говоритъ: «мы вамъ дали хорошіе финансы, дайте же намъ хорошую политику». По моему мнѣнію, г-., не политика строится финансами, и государственная жизнь не строится государственною росписью, а наоборотъ. Вѣдь бюджетъ—это факторъ нашей финансовой жизни, онъ исходитъ изъ нѣдръ нашей же жизни, тогда какъ политика опредѣляется не только факторами одной нашей жизни, но и жизни чужой; она опредѣляется требованіями мірового рынка, а также и рынка политическаго, стало быть, такими условіями опредѣляется, которые отъ насъ, отъ нашей воли не всегда зависятъ, а въ большинствѣ случаевъ даже совершенно отъ нея свободны. Такимъ образомъ, мнѣ думается, что эта формула, представляющая собою какъ бы изнанку общезвѣстной формулы, является, дѣйствительно, только изнанкою. Такъ какъ бюджетная комиссія и финансовое вѣдомство предполагаютъ, что политика и жизнь государства строятся расписаніями, заготовляемыми въ комиссіяхъ и вѣдомствахъ, то, разумѣется, это расписание и не совпадаетъ съ жизнью, и приходится жизнь подчинять этому расписанію, приходится ее урѣзывать, или, какъ сказалъ одинъ представитель лѣваго крыла, приходится правительству уѣскавать жизнь и жизненные требованія на прокрустовомъ ложѣ узкихъ вѣдомственныхъ усло-

вій. Вотъ, въ виду такого-то взгляда, между росписью и жизнью государственной происходитъ, я говорю, великое несоотвѣтствіе, и въ этомъ—слабая сторона разсматриваемаго нами положенія. Между прочимъ, вслѣдствіе этого самого оказывается, что бюджетная работа не сообразуется съ требованіями жизни и въ отношеніи своевременности своего выполненія. Бюджетъ постоянно разсматривается не къ установленному закономъ времени. Въ теченіе шести лѣтъ это обстоятельство неизмѣнно замѣчается нами, и ни разу въ теченіе шести лѣтъ ни предсѣдатель бюджетной комиссіи, ни руководитель нашихъ финансовъ не указали на это, съ моей точки зрѣнія, въ высшей степени важное обстоятельство. И только послѣ того, какъ нѣсколько недѣль тому назадъ въ печати уже появились указанія на невыгодность такого рода запозданія, мы впервые встрѣчаемъ въ рѣчи г. министра нѣкоторые слова, относящіяся къ этому дѣлу, а именно: «слишкомъ затягивается за послѣднее время вообще разсмотрѣніе бюджета, слишкомъ длиненъ тотъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго государству и правительству приходится жить съ помощью временныхъ распоряжковъ. Эти временные распоряжки глубоко ненормальны, глубоко нежелательны и даже, въ отдѣльных случаяхъ, совершенно недопустимы. Мнѣ хотѣлось бы, съ своей стороны, помочь скорѣйшему разсмотрѣнію бюджета, не затрагивая всего того, что съ бюджетомъ не имѣетъ прямой организической связи. Не буду и я возбуждать эти вопросы, потому что они, вѣроятно, помимо моего желанія будутъ возбуждены». Итакъ, г-., я очень радъ, если помимо желанія г. министра я все-таки возбуждаю этотъ вопросъ въ настоящее время. По моему мнѣнію, мало сказать, что это запоздываніе въ разсмотрѣніи бюджета явленіе нежелательное; нужно еще сказать, что оно явленіе въ денежномъ смыслѣ, въ смыслѣ бюджетномъ, не только нежелательное, но и вредное, ибо такое запоздываніе вгоняетъ правительство въ неисчислимыя убытки; но объ этой сторонѣ дѣла г. министръ ничего не сказалъ, и, я думаю, не упомянулъ потому, что такое упоминаніе было бы слишкомъ большимъ укоромъ для дѣятельности комиссіи бюджетной, а въ общемъ и для всей Государственной Думы. Мнѣ скажутъ на это тѣ лица, которые держатся противоположной точки зрѣнія, что мы-де, г-., не нару-

шаемъ никакого закона; мы своимъ правомъ пользуемся, стало быть, мы никому и не вредимъ, ибо *qui suo jure utitur neminem laedit*. Но это положеніе совершенно невѣрное; ст. 116 дѣйствительно предусматриваетъ возможность нашего запозданія въ разсмотрѣніи бюджета: она говоритъ о томъ, что должно дѣлать въ томъ случаѣ, если бюджетъ не будетъ утвержденъ въ установленное закономъ время, т. е. къ началу отчетнаго года. Но вѣдь она, г., говоритъ о случаѣ, она касается случая, а вы этотъ случай обращаете въ норму. Въ теченіе шести лѣтъ ни разу Государственная Дума не сдѣлала даже попытки къ скорѣйшему разсмотрѣнію государственнаго бюджета, и ни разу вѣдомство не указало на необходимость такого разсмотрѣнія. Г. министръ указываетъ на свое желаніе посодействовать тому, чтобы бюджетное дѣло не осложнилось разсмотрѣніемъ какихъ-нибудь къ бюджету не относящихся темъ, между тѣмъ мы въ настоящее время сплошь и рядомъ видимъ такіа картины: членъ, положимъ, какого-нибудь лѣваго крыла дѣлаетъ страстные нападки на правительство, говоритъ вещи, совершенно не относящіяся къ бюджету, а между тѣмъ, не второстепенные представители финансоваго вѣдомства, а первостепенные удостоиваютъ его часовыми или двухчасовыми отвѣтами. Не думаю, чтобы такое уклоненіе въ сторону содѣйствовало ускоренію бюджетной работы. Ежели бы мы не слышали многочасовыхъ рѣчей высшаго представителя вѣдомства въ отвѣтъ на рѣчь, напр., депутата Шингарева, которая была произнесена въ прошломъ году по поводу ассигновокъ на возобновленіе флота, то, можетъ быть, у насъ осталось бы больше времени, чтобы хотя съ запозданіемъ, но съ меньшимъ запозданіемъ, оканчивать разсмотрѣніе бюджета. Вотъ, въ настоящее время мой предшественникъ по каведрѣ здѣсь потратилъ много времени на то, чтобы отклонить ваше вниманіе въ сторону сужденія о томъ, насколько правъ тотъ, кто желаетъ сохранить свои земельныя имущества, и насколько невиненъ, какъ агнецъ, тотъ, кто желаетъ сохранить свои пенсіи и свои капиталы. Подобный пріемъ, говорю я, только отклоняетъ насъ отъ прямой нашей задачи.

Но я далекъ, г., отъ мысли бросать укоръ Государственной Думѣ и обвинять ее въ неработоспособности или въ ея лѣности. Государственная

Дума работаетъ такъ усердно, какъ дай Богъ работать всякому другому учрежденію, и въ особенности это должно быть отнесено къ работѣ бюджетной комиссіи. Она работаетъ во-всю и не ея вина, если эта работа затягивается выступленіемъ враждебныхъ Россіи элементовъ. Приходится бороться съ этими элементами, и на эту борьбу съ лѣвыми партіями, съ антиправительственными партіями, которыя здѣсь въ силу закона призваны къ участию въ государственномъ строительствѣ, уходитъ дорогое время, и не вина этой комиссіи и въ частности всей Государственной Думы, если этими трепаніями затягивается ихъ работа и бюджетъ во-время не оканчивается. Затѣмъ, г., вспомнимъ то далекое сравнительно время, когда шесть лѣтъ тому назадъ мы разсматривали вопросъ объ ассигновкѣ многихъ милліоновъ на постройку Великаго Сибирскаго пути. Помните, съ какимъ азартомъ представители лѣваго крыла говорили противъ этого проекта, какъ доказывали намъ, что скотъ тамъ не можетъ имѣть приплода, потому что коровы не могутъ телиться, плодъ ихъ замерзаетъ, что земля не отмерзаетъ во время лѣта, что хлѣбъ не можетъ произрастать и т. п. На эту борьбу съ элементами, которые говорили несомнѣнно изъ одной вражды къ цѣлостности и единству нашей государственности, на эту борьбу пошли наши силы и наше дорогое время. Мы кончили разсмотрѣніе этого необходимаго кредита только на зарѣ долгаго петербургскаго зимняго дня, проработавъ съ 11 ч. утра до 5 ч. слѣдующаго утра. Что это показываетъ? Развѣ это бездѣлничанье? Развѣ это нежеланіе работать? Нѣтъ, г., работы слишкомъ много, но она направлена не на то, къ чему мы призваны. Дальше я укажу еще на такое обстоятельство, имѣющее отношеніе къ бюджетной комиссіи: тамъ въ комиссіи зачастую поднимаются такого рода вопросы, которые имѣютъ чисто политическій характеръ, а вовсе не касаются дѣлъ финансовыхъ; тамъ, напр., подымается вопросъ о разбронировкѣ кредита, рассчитанный на приумноженіе бюджетныхъ правъ палаты. Я не буду оспаривать полезности этой мѣры; можетъ быть, она и очень хороша, но, въ такомъ случаѣ, ее должно было бы проводить въ законодательномъ порядкѣ, а не попутно при разборѣ чисто бюджетныхъ вопросовъ. Вѣдь если мы туда втискиваемъ то, что мы должны проводить законодательнымъ поряд-

комъ, втискиваемъ это въ предметы, разсматриваемые бюджетною комиссіею, то въ итогъ получается страшное усложненіе работы и задержка ея на безконечное время. Съ другой стороны, и правительству вмѣсто того, чтобы помогать ускоренію работы, приходится то и дѣло отмахиваться отъ нападокъ, зачастую совершенно неосновательныхъ. Такъ, напр., съ этой трибуны одинъ изъ ораторовъ лѣваго крыла нападалъ на правительство и указывалъ, что правительство посягаетъ на права и преимущества палаты передъ правительствомъ въ дѣлѣ разсмотрѣнія бюджета. На самомъ дѣлѣ никакихъ такихъ попомзновеній, какъ извѣстно, со стороны правительства нѣтъ, а между тѣмъ это выступленіе слѣва оказалось, вѣроятно, нужнымъ въ чисто политическихъ дѣлахъ, и вниманіе наше и силы были отвлекаемы въ сторону. Такимъ образомъ, мы не можемъ сказать, чтобы мы пользовались только тѣмъ правомъ и исполняли только ту обязанность, которыя намъ предоставлены; мы выходили изъ этого круга, набирали себѣ лишнюю работу и такимъ образомъ усложняли свое дѣло и не могли его окончить во-время. Сюда относится также, мнѣ кажется, присутствіе такого теченія, которое направлено къ умышленной задержкѣ различныхъ ассигновокъ, для того, чтобы показать вѣдомству всю свою силу и держать его подъ страхомъ возможнаго отказа въ необходимыхъ для него кредитахъ. Сюда же относится также углубленіе въ нѣкоторыя подробности ассигновокъ, тоже совершенно лишнее. Напр., въ одной изъ согласительныхъ комиссій Государственной Думы и Государственнаго Совѣта мнѣ случилось быть свидѣтелемъ того, какъ шелъ споръ между представителями Государственной Думы и представителями Государственнаго Совѣта по вопросу о томъ, чтобы въ законодательномъ порядкѣ были точно опредѣлены суммы, ассигнованныя на мелкія нужды вѣдомства; примѣрно, сколько будетъ на бумагу, сколько на перья, сколько на чернила. Тогда было выяснено, что такое предраспредѣленіе суммъ въ высшей степени непрактично, что тотъ порядокъ, который установленъ, правиленъ; что надо всегда ассигновывать общую сумму въ распоряженіе того, кто завѣдуетъ учрежденіемъ, а онъ уже отъ себя ее распредѣлитъ какъ потребуется. Пришлось представителямъ Думы согласиться съ этимъ справедливымъ

доводомъ, по, между тѣмъ, мы видимъ, что силъ и времени на подобныя мелочи тратится много. Мы углубляемся въ такіе ничтожные вопросы, тратимъ свои силы и упускаемъ то, что намъ необходимо. Для чего это нужно? Разумѣется, защита права распредѣлять эти мелкіе кредиты представляется нужною развѣ только для того, чтобы показать всеѣмъ чиновникамъ свою власть, что ли. Иное дѣло, если кредитъ будетъ опредѣленъ и деньги будутъ итти отъ того, который распоряжается, т. е. тотъ, у кого въ рукахъ внутренній распорядокъ вѣдомства, а иное дѣло, когда въ законодательномъ порядкѣ будетъ опредѣлено, что столько-то на чернила, столько на бумагу,—тогда всякій будетъ бояться выйти изъ этихъ рамокъ. Я не знаю, какая польза отъ всего этого, но что отъ этого усложняется наша работа, это несомнѣнно. Теперь я обращаю ваше вниманіе на то, что еще могутъ мнѣ сказать противники. Ну, прекрасно, все это такъ, скажутъ они, но, въ сущности, это запозданіе бюджета не имѣетъ еще какого-нибудь серьезнаго значенія для собственно финансовой стороны нашей жизни. Вотъ это, я думаю, мысль совершенно ошибочная. Всякій хозяинъ, гг., знаетъ, что одно дѣло мѣсячныя какія-нибудь условія заключать, а другое—оптovyя, годовыя. Если вы заставляете вѣдомства жить мѣсячнымъ кредитомъ и распоряжаться суммами, которыя у нихъ должны быть на рукахъ въ размѣрѣ только $\frac{1}{12}$ всего имъ причитающагося денежнаго имущества, то тогда, вы понимаете, имъ приходится о поставкахъ и наймахъ и подрядахъ разныхъ дѣлать условія краткосрочныя. Несомнѣнно, при такихъ условіяхъ приходится серьезно переплачивать; такъ, напр., мнѣ извѣстно.—не стану настаивать на точности цифры—что въ однихъ кавалерійскихъ частяхъ въ 1911 г. на одномъ овсѣ было перерасходовано 4.500.000 р. Я не буду настаивать на этой цифрѣ и не буду настаивать потому, что въ сущности документальныхъ данныхъ на это ни у кого, я думаю, не окажется; но, если бы кто и указалъ на это обстоятельство, мнѣ возражая, то я полагаю, что здѣсь никакого собственно возраженія противъ моихъ положеній не имѣлось бы. Изъ того, что нельзя документально доказать размѣровъ переплаты, не значитъ еще, чтобы самой переплаты не было. Переплата громадна. Вотъ, она равна 4.500.000 р., прибли-

зительно, на одномъ овсѣ. Но, вѣдь, не однимъ овсомъ живѣть будетъ даже и кавалеристъ, ему нужно и пропитаніе, и одежда, и помѣщеніе, и т. д.; наконецъ, не одна кавалерія существуетъ въ государствѣ, есть и пѣхота, и въ гораздо большемъ размѣрѣ, нежели кавалерія; вѣдь и она пуждается во всемъ; наконецъ, и кромѣ пѣхоты есть еще и всѣ прочія учрежденія государственныя, которыя тоже должны быть содержимы и которыя опять-таки на разныхъ договорахъ, касающихся своего содержанія, переплачиваютъ и переплачиваютъ. Въ итогѣ мнѣ думается, что получается громадный ущербъ казны въ теченіе года. Если вы покупаете на рубли—нѣтъ сбавки, на сотни—мало, если совершаете сдѣлку на тысячи, то еще вѣроятнѣе и крупнѣе какая-нибудь сбавка въ виду оптоваго ея характера; если на миллионы, на десятки, на сотни миллионѣвъ, то, представьте себѣ, какая громадная должна быть уступка! И какъ громадна та сумма, которой государство лишается вслѣдствіе того, что лишается этихъ уступокъ! Мнѣ скажутъ: документальныхъ данныхъ, подтверждающихъ все это, никакихъ нѣтъ; опять-таки на это скажу, что это не возраженіе; документальныхъ данныхъ можетъ и не быть: разумѣется, никто лихвенныхъ процентовъ въ векселяхъ не покажетъ, а всякій ихъ скроетъ: ростовщикъ, положимъ, скроетъ этотъ лихвенный процентъ въ самомъ обозначеніи занимаемой суммы. Точно такъ же и при поставкахъ и подрядахъ и наймѣ, вездѣ въ сдѣлкахъ хозяинъ будетъ ставить только повышенную сумму, а нигдѣ не будетъ, конечно, писать: въ виду того, что вы мнѣ платите съ разсрочкою, помѣсячно, я повышаю такую-то сумму и беру съ казны больше—этого никто, конечно, не напишетъ. Впрочемъ, можетъ быть, кто-нибудь еще все-таки будетъ сомнѣваться и найдетъ возможнымъ возражать мнѣ по этому пункту. Но я думаю, меня поймутъ и никто не возразитъ мнѣ изъ тѣхъ лицъ, которыя непосредственно стоятъ у дѣла содержанія различныхъ вѣдомствъ государственныхъ и которымъ самимъ лично приходилось заключать договоры о наймѣ, поставкахъ и подрядахъ. Эта сторона дѣла мнѣ кажется очень важною. Вѣдь, въ сущности, эта переплата есть не что иное какъ сверхсметный расходъ, это вѣдь именно тотъ самый сверхсметный расходъ, который такъ не

одобряетъ г. министръ финансовъ, о которомъ онъ специально говорилъ въ своей рѣчи; почему же объ этомъ видѣ сверхсметнаго расхода, вытекающаго изъ несвоевременности разсмотрѣнія бюджета, онъ ничего не упомянулъ и въ этотъ разъ въ своей рѣчи? О немъ не упомянулъ и председатель бюджетной комиссіи. Почему? Я думаю, гг., что здѣсь ключъ къ разгадкѣ все тотъ же: наше замедленіе въ бюджетѣ является результатомъ осложненія нашей работы политическимъ характеромъ нашей дѣятельности въ бюджетной области; такъ точно и здѣсь разгадка причины молчанія г. министра въ осложненіи финансовыхъ вопросовъ политикою. Во всѣхъ учебникахъ «конституціоннаго» права мы пынче видимъ слѣдующую якобы аксіому: «конституція каждаго государства опредѣляется устройствомъ бюджетнаго прага палатъ». Вотъ это то и есть исходный пунктъ, который, по моему мнѣнію, и рождаетъ цѣлый рядъ нестроений. Разъ бюджетнымъ правомъ палатъ опредѣляется конституція страны, государственный строй страны, то и понятно, что защитникамъ онаго и приходится говорить: мы вамъ даемъ хорошее, т. е. конституционную государственную роспись, а вы намъ устраивайте конституционный порядокъ государственной жизни. Вотъ, въ сущности, что вдохновляетъ нашихъ финансовыхъ дѣятелей. Разумѣется, чѣмъ больше здѣсь будетъ приумножаться значеніе бюджетной комиссіи, тѣмъ больше будетъ она имѣть шансовъ на осуществленіе своихъ политическихъ идеаловъ. Въ оцѣнку этихъ идеаловъ я здѣсь, конечно, не войду, но только скажу, что обличаемая мною точка зрѣнія въ значительной мѣрѣ объясняетъ тѣ недоразумѣнія, какія возникаютъ у насъ при обсужденіи настоящаго вопроса, а съ другой стороны, она, несомнѣнно, отклоняетъ чисто финансовую дѣятельность какъ бюджетной комиссіи, такъ и нашего финансоваго вѣдомства отъ прямого пути, осложняетъ ее и является причиной несвоевременнаго заготовленія государственной росписи и введенія государства въ громадный ущербъ. Вотъ вслѣдствіе такого-то отношенія, говорю, враждебнаго отношенія ко всему, что не конституціонно, и объясняется такого рода выступленіе въ рѣчи председателя комиссіи: «по военной сметѣ комиссія натолкнулась на заявленія представителя вѣдомства о

томъ, что кредитъ на печатаніе картъ является достаточнымъ, ибо въ случаѣ надобности средства могутъ быть отпущены въ порядкѣ ст. 17 военнымъ вѣдомствомъ. Вообще въ военномъ вѣдомствѣ ст. 96 и 17 весьма популярны». Это уже цѣлая война противъ ст. 17 и 96, и, мнѣ кажется, она объясняется опять-таки тою точкою зрѣнія, которую я старался здѣсь сейчасъ высказать. Мнѣ думается, что прекрасная, содержательная рѣчь председателя бюджетной коммиссіи также осложняется выступлениями его, не имѣющими никакого отношенія къ государственной росписи. Онъ говоритъ по поводу земскихъ учреждений: «надъ ними можно установить контроль, но, съ другой стороны, надо сказать, что управленіе неустроенное, сортируемое, заподозриваемое не можетъ съ достоинствомъ выполнять своего служенія мѣстнымъ нуждамъ и пользоваться и отклоняется отъ своего прямого назначенія» и т. д. А я думаю, что мы отклоняемся отъ своей прямой задачи, когда начинаемъ вмѣшиваться въ земскія дѣла и говорить отъ лица земцевъ то, что, можетъ быть, высшіе земцы вовсе и не сказали бы. Я не думаю, чтобы земства особенно горевали о томъ, что какого-то тамъ кн. Львова не утвердили или Шубина-Поздѣва не утвердили. Можетъ быть, земство вовсе не чувствуетъ себя изъ-за этого обстоятельства «обезглавленнымъ». Какъ бы то ни было, по этому вопросу прямого отношенія къ государственной росписи, чисто бюджетнаго характера, не имѣетъ. Онъ имѣетъ чисто политическій характеръ, о немъ можно спорить какъ угодно съ г. Шингаревымъ,—по прямого отношенія къ росписи онъ не имѣетъ. Эти вопросы усложняютъ, я увѣренъ, отвлекаютъ наше вниманіе отъ прямой нашей задачи и заставляютъ насъ запаздывать въ ея разсмотрѣніи. Вотъ, съ одной стороны, я говорю, видимъ мы расширеніе такой нашей дѣятельности совершенно ненужное, а съ другой стороны, мы видимъ крайне узкое пониманіе руководителемъ финансовъ своихъ задачъ. Онъ говоритъ, что высшій законъ, который онъ признаетъ въ финансовыхъ дѣлахъ, это—законъ бюджетнаго равновѣсія и только. Вотъ съ точки зрѣнія и бюджетнаго равновѣсія онъ и находитъ, что и ст. 17, и ст. 96 суть вѣчныя угрозы финансовому равновѣсію. Военное вѣдомство, съ его постоянной возможностью предъявленія огромныхъ требованій, есть естественный про-

тивникъ финансоваго благополучія; вотъ какая его точка зрѣнія! Неудивительно послѣ этого, если онъ говоритъ далѣе, ссылаясь на уже указанный фактъ, на вмѣшательство второстепеннаго представителя военного вѣдомства, т. е. развиваетъ свою мысль по поводу того, что уже было заявлено г. председателемъ бюджетной коммиссіи. Онъ говоритъ, что надежду на ст. 17 могъ, конечно, выражать лишь второстепенный какой-нибудь служащій вѣдомства, а что высшіе чины военного вѣдомства хорошо знаютъ несочувствіе г. министра къ примѣненію ст. 17. Да, я понимаю, гг., что ст. 17, если ею только пользоваться, это нѣчто ужасное, но вѣдь здѣсь имѣется въ виду закономъ указанный исключительный случай. Вы помните, гг., что недавно войска австрійскія стояли на нашей границѣ, не нынче-завтра, ожидалась война, и потребность въ картахъ, гдѣ бы означены были наши пограничные пункты болѣе подробно, чѣмъ означались на старыхъ картахъ, была неотложная; а вѣдь на этотъ случай и имѣются у насъ въ законодательствѣ особые статьи. Вотъ, стало быть, ничего такого, по моему мнѣнію, незаконнаго и несообразнаго этотъ второстепенный представитель вѣдомства, собственно, не сдѣлалъ. Онъ указалъ, что если война будетъ, то на этотъ случай есть законъ, соответствующій крайнимъ и необыкновеннымъ потребностямъ военного времени. Мнѣ кажется, что онъ вовсе не проповѣдывалъ постоянного употребленія ст. 17 въ нарушение обычнаго порядка бюджетнаго дѣла. Затѣмъ, мнѣ думается, что онъ не заслужилъ осужденія и никакой, собственно, вины за нимъ нѣтъ, если онъ выразилъ свою вѣру въ патриотизмъ правительства: онъ не усомнился, что оно въ моментъ крайней нужды рѣшится дѣйствовать такъ, какъ требуетъ этого законъ, и на что имѣются у насъ статьи закона. Мнѣ кажется, что тутъ ничего такого обиднаго, что ли, и неумѣстнаго съ его стороны не было сдѣлано, и я не понимаю, почему осужденіе ему было вынесено съ этой трибуны подъ смѣхъ и громъ аплодисментовъ лѣвыхъ товарищей и центра, этихъ сторонниковъ конституціи 17 октября и противниковъ основныхъ законовъ 23 апрѣля 1906 г. Вотъ, гг., когда мы видимъ, что правительство въ лицѣ представителя финансоваго вѣдомства является такимъ противникомъ статей,

обеспечивающихъ возможность удовлетворенія неожиданныхъ или чрезвычайныхъ нуждъ военныхъ, то тогда уже является въ особомъ свѣтѣ заявленіе г. министра, сдѣланное въ такомъ родѣ: «Германія приступаетъ къ увеличенію и усиленію своихъ вооруженныхъ силъ, и, чтобы найти источники для удовлетворенія всѣхъ расходовъ, Германія приходится прибѣгать къ такому способу, къ которому она еще не прибѣгала никогда, и къ которому не прибѣгаетъ ни одно государство. Это способъ одновременнаго обложенія всѣхъ состоятельныхъ классовъ населенія одновременнымъ налогомъ. Расходы на усиленіе арміи вызываютъ тамъ новое обремененіе государственнымъ налогомъ. Этого мы не дѣлали, и будемъ надѣяться, что насъ не заставитъ судьба прибѣгать къ такому тяжелому способу». Я понимаю, гг., что наше преимущество было бы весьма существеннымъ передъ Германіею, если бы оказалось, что для удовлетворенія нормальной военной надобности Германіи приходится прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, особаго рода военному поголовному налогу, а между тѣмъ намъ при чрезвычайномъ увеличеніи арміи приходится прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, къ особымъ поголовнымъ налогамъ. Вотъ тогда, мнѣ кажется, наше преимущество было бы явно. Но теперь никакого, собственно говоря, нашего преимущества нигде вовсе не вытекаетъ. Неужели же мы, гг., въ моментъ великой опасности, ради защиты своего отечества, неужели же мы не нашли бы въ себѣ мужества пожертвовать своими средствами и такъ же пойти охотно на чрезвычайную мѣру, на поголовный военный налогъ, какъ это дѣлаютъ германцы? Я думаю, несомнѣнно, мы должны были бы это сдѣлать и вовсе не потому, какъ говоритъ министръ финансовъ, «что нужда не знаетъ препонъ», не вслѣдствіе нужды, а вслѣдствіе любви къ своему отечеству, мы съ одушевленіемъ это сдѣлали бы, а никакъ не по нуждѣ, не по неволѣ, какъ это представляется изъ рѣчи г. министра. Мнѣ кажется, что въ осужденіи Германіи заключается осужденіе милитаризаціи бюджета. Это мѣсто рѣчи г. министра не что иное, какъ проповѣдь нацификаціи бюджета. Всѣ эти выступленія противъ возможнаго увеличенія военныхъ расходовъ, или, какъ сказано, противъ милитаризаціи бюджета, всѣ они вытекаютъ изъ одного общаго положенія, изъ положенія, что прежде

всего намъ нужно стараться о бюджетномъ равновѣсіи. Но разъ мы такую задачу себѣ поставили, то тогда, разумѣется, всѣ, такъ называемыя, причины «возмущающія» являются уже осужденными. Но такая точка зрѣнія, такая задача, какъ бюджетное равновѣсіе или сведеніе только концовъ съ концами, была бы совершенно законной для простого бухгалтера, для второстепеннаго представителя вѣдомства финансоваго, но никакъ не для первостепеннаго, не для руководителя нашего объединеннаго Императорскаго правительства. Незомиѣнно, въ послѣднемъ случаѣ задача должна быть гораздо шире, и мнѣ кажется, что поставленіе простого финансоваго баланса цѣлью перховною является собственно непониманіемъ задачи государственной росписи. Есть цѣнности гораздо большія, чѣмъ бюджетныя. Та горка золотой наличности, которая съ наслажденіемъ упоминается въ рѣчи предсѣдателя бюджетной комиссіи, конечно, можетъ тѣшить своимъ пріятнымъ видомъ, игрою негрѣющихъ угольевъ, но есть, однако, неизмѣримо болѣе высокія цѣнности кромѣ ея. Кромѣ матеріальныхъ, вѣсомыхъ, есть идейныя цѣнности, предъ которыми блѣднѣютъ всѣ прочія, и это цѣнности единственно созидающія. 300 лѣтъ тому назадъ наше государство погибало въ великой разрухѣ, тогда, конечно, не было и финансовъ, но тогда у насъ сохранились сокровища духовныя и они-то и возстановили нашу государственность, возстановили и финансы. Тогда впервые раздался знаменитый призывъ великаго казначея народнаго ополченія, Миллина, и тогда нашлись финансы, нашлись матеріальныя средства для выручки отечества. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, что политика, идущая въ разрѣзъ съ духовными потребностями народа, порицающая подъемъ духа и смотрящая на военныя надобности, на военное дѣло, какъ на безусловное финансовое зло, какъ на абсолютно вредное дѣло для нормальнаго роста государства, такая политика, мнѣ кажется, выноситъ глубокое осужденіе нашему славному прошлому. Въ трехсотлѣтнюю годовщину этого прошлаго я бы позволилъ себѣ назвать съ этой трибуны, трибуны собранія выборныхъ людей русскихъ, назвать выборнаго челоуѣка земли русской Миллина первымъ нашимъ финансистомъ. Его заветы обязательны для всѣхъ патріотовъ, которые стоятъ у дѣла русскихъ финансовъ, и мы

съ грустью должны сказать, что эти завѣты всего менѣе осуществляются правительствомъ, имѣя стоящимъ у дѣла. Въ рѣчи г. министра, которая раздалась на-дняхъ съ этой трибуны, несомнѣнно, звучить тяжкое обвиненіе той мѣры, которая когда-то была предложена для спасенія отечества и увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Такая мѣра, такой призывъ, какъ: заложимъ женъ, дѣтей и выкупимъ отечество, несомнѣнно, плохая финансовая мѣра съ точки зрѣнія нашего министра финансовъ. Несомнѣнно, эту «варварскую» мѣру, которая представляетъ собой не что иное, какъ высшую степень чрезвычайнаго расхода, Боже упаси, по мнѣнію правительства, вводить даже при крайней опасности. А между тѣмъ, именно эта мѣра возстановила наше отечество, и мы, благодаря ей, имѣемъ возможность теперь съ этой трибуны и въ этой залѣ говорить и о бюджетѣ, и о бюджетной коммисіи, о финансахъ, и о всемъ прочемъ. А если бы тогда не пошли на эту чрезвычайную мѣру, если бы призывъ этотъ не осуществился и если бы этотъ «чрезвычайный расходъ» на военные нужды не былъ принятъ, то, конечно, мы бы ничего не имѣли. Когда мы отвергаемъ духовныя цѣнности и всѣ свои надежды полагаемъ въ вѣсомыхъ цѣнностяхъ, металлическихъ, то и тогда мнѣ все-таки кажется болѣе привлекательною фигура металлическаго канцлера, желѣзнаго канцлера, чѣмъ того, кто желалъ бы быть канцлеромъ золотымъ. Поэтому мнѣ никогда не являются привлекательными фигуры какого-нибудь Рафаловича, Мендельсона и даже самого г. Ротшильда, я предпочитаю, конечно, желѣзнаго канцлера—желѣзо лучше золота. Подводя итогъ всему сказанному, я долженъ былъ бы сказать, характеризуя нашу нынѣшнюю финансовую политику: это политика бюджетнаго баланса, прежде всего, политика, съ одной стороны, крайне узкая, а съ другой стороны, являющаяся какъ бы орудіемъ предполагаемаго политическаго переустройства; вообще же, по отношенію къ задачамъ чисто государственнаго характера, къ задачамъ патріотическимъ, она является политикою національнаго индифферентизма, или вѣрнѣе сказать: эта политика—политика золотовалютнаго пацифизма. (*Рукоплексанія справа*).

Малиновскій (Московская губ.). Гг. члены Государственной Думы. Я довольно внимательно слушалъ всѣхъ предыдущихъ ораторовъ и мнѣ

хотѣлось сдѣлать выводъ (*голоса справа: правильно*)... О правильности или неправильности не судить вамъ... хотѣлъ сдѣлать выводъ, довольны ли вы поведеніемъ теперешняго правительства и критика его далеко ли зашла, можно ли на основаніи тѣхъ выступленій, которыя я слышалъ, притти къ какому-нибудь заключенію, каковъ же будетъ отвѣтъ въ тотъ день, когда васъ призовутъ на судъ и скажутъ: скажите свое вѣское слово—дадите намъ денегъ или нѣтъ? Рѣчь представителя конституціонной партіи, г. Шингарева напрасно, по моему, была названа депутатомъ Марковымъ—недоразумѣніемъ, случайной кляксой; можетъ быть, г. Шингаревъ не хотѣлъ эту кляксу сдѣлать, этому, можетъ быть, я вѣрю, но, что въ дѣйствительности получилась клякса и клякса совершенно не случайная, это, по моему, совершенно справедливо, потому что, если вы, гг., начнете вникать въ соотношеніе отдѣльныхъ министровъ, станете искать, гдѣ законъ, гдѣ беззаконіе, станете искать, гдѣ имѣется законное распоряженіе высшей администраціи, а, можетъ быть, низшая администрація дошла до болѣе незаконнаго распоряженія, если вы хотите различить Министерство Внутреннихъ Дѣлъ отъ Министерства Юстиціи, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ отъ Святѣйшаго Синода, то говорю вамъ—будь передъ вами эта карта русской дѣйствительности, вы тамъ не разберете ничего и случайно, можетъ быть, но Марковъ 2 назвалъ правильно картину русской дѣйствительности кляксою, потому что самый опытный человекъ тамъ не разберетъ ничего, все перепуталось. Самъ Марковъ 2 до того дошелъ, что обвиняетъ правительство въ сдѣлкахъ съ мошенниками. Возьмите стенографическій отчетъ въ тотъ день, когда обсуждался запросъ о синдикатахъ; какъ называлъ Марковъ 2 тѣхъ, которые являются руководителями синдикатовъ? Онъ называлъ ихъ мошенниками, преступниками, что хотите, что мѣсто имъ на скамьѣ подсудимыхъ, за рѣшеткой и т. д. Теперь онъ пришелъ къ тому, что правительство вступаетъ съ ними въ договорныя отношенія, хочетъ ихъ легализовать, какъ полезныя учрежденія для государства. Да, гг., когда вы критиковали бюджетъ, то невольно напрашивался передо мною вопросъ, въ правѣ ли вы даже это дѣлать? Прослѣдите всю дѣятельность двухъ Думъ, третьей и те-